

Подборка анонимной поэзии с двумя «слепыми» критическими разборами представленных в ней произведений становится постоянной рубрикой «Менестреля». Читатели уже привыкли к ней и с нетерпением ждут, когда редколлегия в новом номере объявит имена авторов предыдущей подборки и тексты следующей. Отвечая на просьбы читателей, мы объявляем имена участников антологии из № 9 за 2018 г.

Стихотворение № 1 принадлежит Виктору Куллэ, № 2 – Станиславу Минакову, № 3 – Виктору Коврижных, № 4 – Вадиму Горинову, № 5 – Яне-Марии Курмангалиной, № 6 – Виктору Куллэ, № 7 – Антону Школьникову, № 8 – Екатерине Новиковой, № 9 – Сергею Носову, № 10 – Екатерине Острых, № 11 – Василине Орловой, № 12 – Дмитрию Мурзину, № 13 – Андрею Коровину, № 14 – Дмитрию Мурзину, № 15 – Вадиму Горинову, № 16 – Андрею Коровину.

Редколлегия альманаха выражает благодарность авторам и критикам, поучаствовавшим в нашем эксперименте. И, разумеется, предлагает вниманию читателей следующую анонимную подборку.

1

Закружат, понесут такие силы,
что неуютно станет подлецу.
Горбатого исправят две могилы –
отца и бабки, бабки по отцу.

Потёртый свитер, тапки на липучках –
сам по себе комичный персонаж.
Дошёл, как выражаются, до ручки...
до ручки, до дверной, любимый ваш.

Хвост распушив, перенаправил реки
и в пятки вставил пламенный мотор.
А то, что вырвал лист в библиотеке –
мне стыдно, не поверишь, до сих пор.

новые позывные
старым друзьям отпавишь,

может быть, пригодятся.
Только не спорь с судьбою,

знай, что они гордятся
дружбой своей с тобою.

Всё, что любил – поможет:
реки, снега, берёзы...

Время обид не множит,
время осушит слёзы.

2

Памяти Г.

Вот бы поверить в это,
хоть на одно мгновенье!..

Выбран Посланцем Света
в Новое Измеренье.

Кем, почему – не важно,
что ты сейчас изменишь

здесь, под венком бумажным,
без страховой, без денег?

Скромный пиджак на плечи
лёг, как всегда, прекрасно.

Письма, звонки и встречи?
С этим пока не ясно.
Выйдешь в миры иные –
в космосе связь без клавиш –

То, что в душе хранимо,
станет важней, чем вести.

В левом кармане снимок,
где мы навеки вместе...

3

я несла свою голову в рюкзаке
все оборачивались шептали беззвучно
было легче но это не значит лучше
так и шла по городу налегке
голова лежала в прозрачной тьме
шевелились змеи волос ветвисто
и персей целовался во мне неистово
с андромедой ласковою во мне

4

что вы, я так гуляю
город умылся весной
те, кто казались прахом
те, кто теперь связной
те, кто взошли на плаху

те, кто не умирал
те, кто прошли по краю
в небе поют хорал

те, кто любил, неслышно
шлют на мой лоб лучи
я для них главный, беспечный,
хоть и последний герой
лет уже тридцать с лишним
кто-то из сердца стучит
двери недолговечны
Боже, открой
открой

5

Мечемся, не уняв
Времени вечный сев...

Время лечит.
Меня.
Руками моих друзей.

С ними сумел понять
Многое.
Видит Бог,
Время лепит меня
Руками моих врагов.

Утоп бы - петлёю ловят –
Соломку
стянули
в сноп...
Спасибо на добром Слове.
Теперь мне хватает слов!

За каждый мой крик бессильный
Прими благодарность, враг!..
За то,
что стрелял по крыльям...
В достатке теперь пера.

6

вахтёрше было двести лет
её собаке грустной сотня
ещё был дворник щуплый дед
и тихий безобидный плотник
в его руке фанеры пласт
в другой фонарь простой китайский
который норвил украсть
а вместе с ним мольберт и краски
невыносимый хулиган
из класса пятого по кличке
от слова пусто пустельга
он в школьном туалете спички
на перемене поджигал
его ловил за шкуру дворник

и тихий безобидный плотник
с укором головой качал
вахтёрша древняя как мир
с глухой собакой на коленях
носочек штопала но дыр
не убавлялось вязко время
тянулось и звонок пронзал
растерзанные коридоры
и мёрзлый физкультурный зал
но намекал что счастье скоро
свобода выходные дни
однако же не наступали
невыразимые они
и плыли все в сырой печали
вахтёрша дворник пустельга
и плотник безобидный тихий
от четверга до четверга
с забытым привкусом черники
июльской сладкой дорогой
которую давно не ели
и по орбите круговой
они летели и летели
тушили спички или свет
кроссворды ветхие гадали
а счастья не было и нет
наступит видимо едва ли

7

Засвеченный кадр –
старая плёнка.
Сейчас всё оцифровано –
это можно стереть,
отредактировать,
скопировать,
в конце концов, удалить,
а вот кусок целлюлозы –
и это всё, что осталось
от того ощущения
места и времени,
которое не получилось
продлить...

Мутное пятно,
обещающее внутри
нечто сокрытое –
не проступившее
с этой стороны плоскости –
возможно, фасады
или лица на фоне фасадов,
а, может быть, милый кот
на тёплых коленях –
вот бы оцифровать
и выложить в сеть –
столько бы было откликов
на эту незатейливую радость

среди такой изошрённой войны,
но плёнка засвечена –
взвалила на плечи воображения
всю недосказанность
света и тени.

Сожмёшь в кулаке
липкую ленту –
будто желая,
чтобы на пыльной ладони
отпечаталась жизнь,
схваченная объективом
в надежде на проявитель,
но чувствуешь только слюду,
хрустнувшую чуть слышно
о чём-то своём,
но таком отстранённом –
словно закадровый голос,
забывший текст,
зачем-то признался в этом...

Вот здесь стоял дом –
деревянный,
с резными наличниками.
Провинциальный модерн.
Модерн – переводится,
как «современный»,
однако, дом тот снесли –
кончилась современность,
и началась реальность,
предстающая – вот досада –
безнадёжно засвеченным кадром,
оцифрованным мутным пятном.

8

НОЧНОЕ

Крошечным пятнистым арлекином
По слюне мастифа, да с мастихином
Я взбиралась во сне из последних сил.
Возможно, потому, что ночью заморосил
Дождик, заговорил на голубином,
На утином наречии. Воскресил

Сны мои, картины из дальнего далека...
Месяц зацепился за алую жесьть маяка.
Друг мой, Мельес, крути свою киноплёнку,
Покажи моему внутреннему ребёнку,
Что случается, когда затекает рука.
А за ней и плечо, и подушка,
и простыня – вдогонку.

Астрономы надувают щёки,
Выпуская пузыри из космической щётки.
Вот и весна. И кожа саднит, как раньше,

Когда ни в теле, ни в мыслях не было фальши.
И зелёная карета несётся по девичьей чёлке.
Кони косят, почуяв, что едут по великанше.

Каждую ночь меняю свои размеры и вид.
Во мне устроился кто-то, кто ведает, что творит.
Кто ты? Алиса? Мозг? Или же демон?
Лучше не трогать. Кто знает, из чего он сделан.
Щекочет мне веки. Во рту у меня искрит.
Может, утопит меня в чашке,
размажет по стенам.

Мягкий пёс лижет мраморное плечо.
Жить в апреле становится горячо.
Капли тянутся по брусчатке и рвутся.
Предрассветный Арбат
похож на потёртое блюдце.
По нему ползёт оживший шпионский жучок.
Голенища его и усы, и брови смеются.

Раз-два-три, раз, – вальса как не бывало.
Заворачиваюсь потуже в своё одеяло.
Сплю – глубоко и влажно.
Дождик висит на шпиле.
Тишина в эфире, нас почти утопили.
Башмачки – снова в дым.
Я вернулась с последнего бала.
Здесь меня любят. Но и там меня тоже любили.

9

Крутится по оси
голова твоя.
Что-нибудь произнеси –
обернутся вокруг циферблата слова
и отмерят путь
уже без подсказки цифр –
путь воздуха, что, покидая грудь,
следует тоже за циркулем.
В мире округлом –
всё замыкает кольцо:
север приходит с юга,
а с юга – как ветер студёный в лицо –
возвращается север.
Пластинку переверни –
старый проигрыватель усердно
отправляет тебя в те дни,
когда музыка виделась опытом
обретения вещей звёзд.
Хоть воздушные шарики лопнули –
эти звёзды ещё всерьёз...

Вращается панорама.
Ты в центре, но что с того?
Если жизнь предстаёт незавёрнутым краном –
дом затопит легко.

Площадь круга – предметы и звуки,
люди, здания, артефакты,
фотовспышки событий, стрелы из лука –
то амуровы, то – пробивающие и латы –
робингудовы, раны, шрамы,
узы, море, дошедшее до лодыжек
и уводящее вглубь, где кораллы
формируют коварные рифы,
там рыбы – в нишах...

Крутится по оси
голова твоя,
иже еси на небесех,
и если нам храм – земля –
увидишь, как бесконечен контур,
как много внутри от отца,
и оно доступно, коль следуешь ходу
вращающегося колеса...

10

кровь звучит громче.
красные джентльмены
на экскаваторе вожделения
аплодируют, аплодируют.
мигают жёлтые плафоны.
это кофеин или тестостерон?
спина выравнивается, как у дракона:
плечи чуть назад,
чугунными ленивыми гирями,
нахальный взгляд охотника без ружья.
кровь кричит, разгоняет
ледяных тараканов разума.
струна в животе тянется вверх,
цепляется грубой петлёй за шейный позвонок,
как за крючок,
никаких скрипичных колок –
сплошная плотоядность.
вот и встретились пожарник и пожар,
страх и наглость –
хотят подружиться.

а она тебя обвила
узкими ласками муравьеда.
тайник за ушами,
расплавленный жемчуг слюны.
маленькое привидение дыхания –
Каспер – гуляет
по ночному району тела.
точно поролон, ты пропитан её плотью,

сутью, фамилией,
её ДНК, грибными спорами тысячи родствен-
ников.

это ли не вторжение на твою планету?
подмышка – как школьный пенал: вот шерша-
вый ластик,
а вот химические карандаши родинок: облю-
нживать,
чтобы чётче писать. ты чувствуешь её запах
на своей одежде –
зелёная кислотная кровь
«чужого»

проела металлическую обшивку крейсера
на три этажа.
до самого двигателя внутреннего обманывания.
ты принимаешь душ, но снова возвращаешься
в облако её запаха, как в кокон. улыбаешься.
насвистываешь чушь и немного глупеешь.

господи, зачем женщинам столько запахов?
столько удавок,
уловов, изящных арканов, петель,
силков и капканов.
танки красоты воюют между собой –
стреляют ароматами, цветами,
тканями, красками, бижутерией. красота
не может спасти мир, но – только отвлечь,
завлечь на время.

11

Под плитой болит голова,
тяжесть камня мешает вздохнуть.
А не лучше ли просто трава
и цветочки какие-нибудь?

Как на выход костюм или фрак –
мрамор с датами или гранит.
А не проще ли как-нибудь так? –
к чёрту весь гробовой реквизит! –

хвои проволочный переплёт,
холод пластиковых лепестков...
Ведь душа, словно птица в полёт,
из могильных стремится оков,

чтобы где-нибудь там свысока
видеть вновь, как средь белого дня
точно так же плывут облака,
точно так же, но – после меня.